

и корейского языков:

«Близкий сосед лучше дальней родни» (с. 220)

«Знание – сила» (с. 218)

«Своя рука – владыка» (с. 217)

«У каждого свой вкус» (с. 216) и др.

2. Значительная часть фразеологизмов неродственных языков (до сорока процентов) представляет собой полностью совпадающие по смыслу и частично по лексическому составу фразеологические единицы. В этом случае задача переводчика состоит в идентификации совпадающих по смыслу единиц. Обратимся к примерам из корейского и русского языков:

корейс.: «Даже холодную воду пьёт, дуя на неё» (с. 57)

русс.: «Обжегшись на молоке, дует на воду»;

корейс.: «В каше зерна считает» (с. 60)

русс.: «пшено в супе считает»;

корейс.: «Смотреть через цветные очки» (с. 63)

русс.: «Смотреть сквозь розовые очки»;

корейс.: «Плясать под чужой барабан» (с. 54)

русс.: «Плясать под чужую музыку (дудку);

корейс.: «Живёт на чужом горбу» (с. 53)

русс.: «Ехать на чужом горбу»;

корейс.: «Как удар молнии в солнечный день» (с. 195)

русс.: «Как гром среди ясного неба» и др.

3. Особого чутья требует от переводчика наличие в тексте идиоматических оборотов. В этих случаях перевод лексико-синтаксической структуры фактически невозможен, поэтому подыскивается только его семантическая замена. Например, корейское народное изречение «Складывать гору из яиц» [8] в русском языке можно соответственно передать «Строить дом на песке».

4. Теоретики перевода осуждают практику замены фразеологизмов простым пересказом их содержания или дословным переводом («описательный способ перевода»). Но те же теоретики считают возможными, а часто и неизбежными, такие замены в двух–трёх случаях на сто единиц.

В теории перевода считаются более лёгкими случаи передачи фразеологизмов близкородственных языков. Но практики-переводчики и авторы двуязычных фразеологических словарей предупреждают, что именно в близкородственных языках часто при переводе встречаются ошибки, связанные с «обманчивой одинаковостью» [9].

В заключение отметим: проблема передачи фразеологизмов является одной из актуальных как в теории, так и в практике перевода [10], что вызвано «труднопереводимостью» фразеологизмов.

Источники и литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.
2. Нариси з контрактивної лінгвістики. – К., 1979. – С. 62.
3. Валахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.
4. Попович А. Проблемы художественного перевода. – М.: Высшая школа, 1980.
5. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Высшая школа, 1973.
6. Зоривчак Р.П. Фразеология писателя как проблема перевода: Автореф. дис. канд. филол. наук. – К., 1976.
7. Гачечеладзе Г. Вопросы теории художественного перевода. – Тбилиси, 1964.
8. Все корейские фразеологизмы, приводимые в данной статье, цитируются по книге: Корейские народные изречения. – М.: Наука, 1982.
9. Теорія і практика перекладу. – К., 1979.
10. Украинско-русский и русско-украинский фразеологический словарь. – К., 1978.

Красовская О.В.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МЕХАНИЗМЫ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ (на материале гражданского судопроизводства)

Как известно, изучение проблем межкультурной коммуникации предполагает выделение механизмов адаптации друг к другу представителей разных лингвокультурных общностей. Рассмотрение одного из таких механизмов в статье будет сделано на материале судебной коммуникации – общения, которое протекает в ходе судебного разбирательства по гражданским делам.

Мы исходим из того, что речевое взаимодействие между судьей и непрофессиональными участниками судебного процесса протекает в условиях социокультурной разобщенности (более подробно об этом мы писали в: [3]). Судья – типичный представитель судебной культуры, которой владеет в полном объеме (или, во всяком случае, на профессиональном уровне). Кругозор непрофессиональных участников правового конфликта в области судебной культуры ограничен. Столкновение обыденного и профессионального уровней судебной культуры (см.: [2]) регулярно порождает коммуникативные неудачи. Нарушение непрофессиональными процессуальными участниками судебных конвенций, а также отказ от речевых действий сви-

детельствуют об их неготовности к компетентному общению в суде. Пример (С. – судья; стороны: И. – истец, О. – ответчик):

- (Дело слушается в апелляционном суде)
 С. (обращаясь к И.) Пожалуйста, вам слово.
 И. Я уже не знаю, что говорить.
 С. О чем просите суд?
 И. (молчит)
 С. Что Вы просите с решением (районного суда) сделать?
 И. (молчит)
 С. Вашу жалобу удовлетворить?
 И. Да.
 С. И дальше что?
 И. (молчит)
 С. Отправить на новое рассмотрение?
 И. Конечно, отправить на новое рассмотрение.

Итак, какие приемы в судебной практике используются для преодоления «барьера социально–культурных различий» [4, с. 21–22]? Следует отметить, что разнообразнее они представлены в речевом поведении отправителей правосудия. Это связано с асимметричным характером процессуальной ситуации. Будучи ее лидером, судья отвечает за выполнение процедуры – следовательно, он обязан заботиться о понятности судебных действий, юридических терминов для непрофессиональных процессуальных участников, контролировать точность восприятия услышанного.

Из–за ограниченного объема статьи рассмотрим только самое частотное средство приспособления судьи к правовой некомпетентности процессуальных участников – вопрос.

Среди адаптивных вопросов в судебской речи выделяются следующие группы:

1) **Направляющие вопросы** – это вопросы, которые указывают процессуальным участникам на ожидаемые от них речевые действия:

- (Дело о взыскании морального вреда слушается в суде апелляционной инстанции)
 С. (обращаясь к И.) Слушаем Вас в прениях.
 И. (молчит)
 С. *Что Вы просите нас сделать?*
 И. Взыскать моральный вред.
 С. *Решение (районного суда) оставить в силе или отменить?*
 И. Отменить.

2) **Контролирующие вопросы** – это вопросы, которые направлены на проверку точности услышанного от сторон:

- (Из спора с коммунальной службой)
 С. (обращаясь к И.) Так, давайте, чем Вам причинен моральный вред?

И. Они просто игнорировали меня. Я направил четыре письма, откуда у меня долг. Они не отвечали. Два раза ходил на прием – меня не приняли. Теперь умышленно три раза в суд не являлись, четвертый раз ответчик пришел в суд неподготовленный.

С. *Скажите, мы правильно Вас поняли, что моральный вред заключается в том, что Вы не получали от Теплокоммунэнерго ответы?;*

(Из иска о выплате сумм)

С. (обращаясь к О. – представителю УВД области) Вы ему не оплатили командировочные. Что, он должен за свои деньги ехать?

О. Посылал Алчевск (городской отдел УВД), данная статья расходов должна быть в плане ассигнования Алчевска.

С. А финансирование кто дает?

О. Мы.

С. *Что Вы хотите сказать, что Вы давали средства ассигнования, а Алчевск не оплатил?*

Значительную группу контролирующих вопросов составляют то–есть вопросы:

(Дело слушается в апелляционном суде)

С. (обращаясь к О.) Почему Вы считаете, что решение (районного суда) неправильно?

О. Никто не видел, что ее (истицу) ударила корова.

С. *То есть Вы считаете, что суд не исследовал, ударила ли ее корова?*

О. Совершенно верно;

И. (дает объяснения) Сессия (горсовета) проходила со всеми нарушениями законов Украины и Конституции Украины. О проведении сессии сообщается в СМИ за десять дней.

С. *То есть Вы считаете, что она незаконная, потому что не было уведомления в СМИ и она проходила в закрытом режиме?*

3) **Уточняющие вопросы** – это вопросы, которые требуют от процессуальных участников продолжить, дополнить, разъяснить, интерпретировать, т.е. довести до логического конца высказывание: *Представитель Алчевска, уточните еще раз, Вам деньги выдавали или продукты?; Истица, еще раз. У Вас вызывает сомнение достоверность этих жалоб? Были они или нет?; Скажите, М., когда выделялись эти 164 метра, они были узаконены? Да или нет? Ответьте конкретно.*

В результате обобщения этой практики в новом Гражданском процессуальном кодексе (ГПК) Украины

появилась следующая норма речевого взаимодействия судьи с процессуальными участниками: «Если стороны и другие лица, участвующие в деле, выражаются нечетко или из их слов нельзя сделать вывод о том, признают они обстоятельства или возражают против них, суд может потребовать от этих лиц конкретного ответа – "да" или "нет"» (ст. 176); относительно пояснений свидетелей, экспертов и специалистов в законе сформулировано, что суд «вправе выяснять суть» их ответов (ст.ст. 180, 189, 190).

К числу уточняющих относятся и цитатные вопросы, которые требуют от процессуальных участников «расшифровать» какую-либо часть их предшествующего высказывания:

(Из трудового спора)

И. (дает пояснения) Суд не в полной мере рассмотрел мое отсутствие на работе.

С. Извините, что значит «не в полной мере»? Вы по уважительной причине отсутствовали? По болезни?

4) **Наводящие вопросы** – это вопросы, которые, как известно, «наводят» на определенный ответ. ГПК запрещает задавать наводящие вопросы свидетелю (ст. 180). Судьи же используют их для «включения» в процессуальную деятельность плохо подготовленных к ней лиц – получения ответов на вопросы, значимые для судебной процедуры:

(Из дела по иску об устранении препятствий в пользовании арендованным автомобилем)

И. Если можно отложить дело, я буду требовать этот протокол (ГАИ).

С. Что Вы хотите этим подтвердить?

И. (молчит)

С. Что неправильно взыскана с Вас сумма? Это Вы хотели подтвердить?

И. (кивает);

(Из спора по иску шахтера к Фонду социального страхования о выплате сумм)

С. (обращаясь к И.) Какие у Вас возражения (против доводов оппонента)?

И. (молчит)

С. Вы считаете, что правопреемника нет и должен выплачивать Фонд, да?

И. Да.

Итак, кроме своего основного назначения (сбора сведений, необходимых для правильного разрешения конфликта), вопрос в судебной речи используется с целью адаптации к правовой некомпетентности процессуальных участников.

В собранном нами материале адаптивные вопросы выполняют разнообразные функции – ориентируют участников судебного разбирательства в правовом пространстве, требуют от них соблюдать процессуально-речевые обязанности (иными словами, выполнять отношение иллокутивного вынуждения (см: [1]), контролируют точность восприятия услышанного и др. Нередко наблюдается переkreщивание этих функций, а также соединение вопроса с другими адаптивными приемами – перефразированием, резюмированием высказываний сторон (см.: [5, с. 93]):

С. (обращаясь к О.) Зачем Вы проводили диагностику автомобиля?

О. Состояние моего автомобиля ухудшилось. А Дураков – ни один, ни другой (истец и его сын, арендующие у О. автомобиль) – ничего не делали.

С. Чтобы подтвердить ухудшение состояния автомобиля, находящегося в аренде?

О. (кивает)

Достаточно часто адаптивные вопросы отправителей правосудия сопровождают разнообразные средства – стимуляторы контакта: *Ходатайство о чем? О приобщении к делу, да?; Вы слышите, о чем я спрашиваю? Вы – две организации (ЖЭК и Теплокоммунэнерго) – замеряли в трубах тепловой режим на вводе в дом?; Еще раз повторяю. Чего Вы действия зама (директора шахты) не обжалуете? Уточнения и повторы типичны для такого способа речевого взаимодействия, как решение задачи (по М. Макгайру), в нашем случае – правового конфликта.*

Предупреждая и/или исправляя сбой в ходе судебной коммуникации, адаптивные вопросы судей обеспечивают соблюдение процессуального регламента и построение в его ходе прагматически правильного диалога. Таким образом, рассматриваемые нами вопросы являются инструментально ориентированными (термин социальной психологии) – направленными на достижение указанных целей.

Затронутая в статье проблема далеко не исчерпана. Очевидно, что она представляет интерес как для теоретической лингвистики, так и для нужд речевой практики и потому требует дальнейшей разработки.

Источник и литература

1. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // ВЯ. – 1992. – №2.
2. Иванников И.А. Концепция правовой культуры // Правоведение. – 1998. – №3.
3. Красовская О.В. Судебная коммуникация: межкультурный аспект (лингвокультурологические заметки) // Мова і культура. – К., 2004. – Вип. 7. – Т. V.
4. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. – СПб., 2002.